

Григорюк Т.В.

Преимственность власти на опыте Римской империи IV века н.э.

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1530>]

[Публикация работы:]

Григорюк Т.В. 2008: Преимственность власти на опыте Римской империи IV в. н.э.
// Российская государственность и право: Современное состояние и перспективы
развития: Статьи и доклады VIII Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 23 мая
2008 г. / Н.В. Тихомирова, П.Ю. Федоров, В.Н. Белоновский (ред.). М., 108-112.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, “дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своей зависимостью”¹. По земельному вопросу “Союз русского народа” стоял на позиции расширения крестьянского землевладения на началах неприкосновенности земельной собственности.

Практически все филиалы СРН размещались в пределах европейской части Российской Империи. Причем наиболее активными они были в районах со смещенным национальным составом населения – в Белоруссии, на Украине.

Социальный состав черносотенных организаций отличался крайней разнородностью. Среди членов «Союза» было немало состоятельных людей, причем в основном это были выходцы из низов, а рядовые члены монархических союзов принадлежали к «низшим» классам.

Таким образом, в годы первой революции 1905 – 1907 гг. в России сложилась и стала функционировать многопартийная система, причем, ведущие российские партии, возглавившие основные политические лагеря, представляли собой достаточно массовые формирования, насчитывавшие десятки тысяч членов и охватывавшие своими организациями и подразделениями большинство губерний и областей Российской Империи. Это явление свидетельствовало, с одной стороны, о структурном кризисе самодержавной власти в стране, а с другой – о событиях, происходивших в ходе модернизации социально-политической структуры страны. Немалую роль в этом сыграл рост политического сознания и просто стихийных настроений различных общественных слоев. Вместе с тем все это базировалось на более глубоких, социально-экономических факторах, обуславливавших и отражавших определенную степень зрелости российского общества.

Рассмотренные основные типы партий отражали интересы и чаяния различных классов и слоев общества. Одни из них по своей сущности были политическими организациями трудящихся масс (социал-демократы, эсеры), другие, выражали интересы всех слоев высших классов (кадеты, октябристы, черносотенцы), стремились в поисках массовой опоры заручиться сочувствием и содействием широких народных масс. Все эти партии, вне зависимости от социальной ориентации, от своих программ и лозунгов, возникали, прежде всего, в городах, где выше была степень зрелости этих условий, были тесно связаны с городскими социально-экономическими структурами и лишь за тем несли свои идеи в деревни и села. Несмотря на все усилия в этом направлении сельский элемент в партийно-организационном плане оказался затронутым крайне слабо.

*Григорюк Т.В.,
аспирант Исторического
факультета Ярославского
Государственного Университета*

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ НА ОПЫТЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV В. Н.Э.

Для благополучного существования любого государственного образования одним из самых необходимых условий является стабильность политической системы.

¹ Личный архив Яременко Н.Н.

Феномен политической стабильности общества складывается из многих факторов, — далеко не последним из них является система преемственности власти. Любая власть — при любом режиме или форме правления — считает одной из своих задач закрепление и развитие в будущем тех принципов, которыми руководствуется она сама и тех результатов, которых она достигла. Для этого, естественно, требуется определенный механизм передачи властных полномочий от одних их носителей другим. В демократических режимах таким механизмом являются выборы, в авторитарных и тоталитарных — назначение преемников уходящей властью. Естественно, в истории были выработаны многочисленные модели передачи власти. И несомненный интерес представляет модель, созданная в последние века существования Римской империи.

Сама форма этой модели — соправительство — была, конечно, уже не новой. Достаточно вспомнить Микенскую Грецию¹ или государство Селевкидов². Однако, как всякое конкретно-историческое явление, соправительство в поздней Римской империи имело свои, во многом уникальные, черты, возникшие в процессе исторического развития римского общества и государства.

Своеобразие устройства Римского государства давно привлекало внимание исследователей — одна из самых оживленных дискуссий велась по поводу характеристики политического режима, созданного Октавианом Августом. В его оценке мнения колебались от признания принципата безусловной монархией³ до характеристики режима как республиканского⁴. Очевидно, наиболее обоснованным и приемлемым является рассмотрение принципата как дуалистичной системы, органично синтезирующей республиканские и монархические структуры. Подобный подход, в принципе, был заложен еще Теодором Моммзеном⁵ и в классическом виде был сформулирован в известном труде А. фон Премерштейна⁶.

Намного более единодушен подход исследователей к характеристике политической системы Поздней античности — так называемой эпохе домината, начало которой принято отсчитывать с 284 года — года прихода к власти императора Диоклетиана. Доминат видится большинством исследователей абсолютной монархией⁷, зачастую граничащей с открытой деспотией — подобный подход, будучи заявлен еще в классических трудах Эдуарда Гиббона⁷ и Теодора Моммзена, наиболее распространен и поныне, перекочевав и в научно-популярную литературу⁸.

Нам, однако, взгляд на доминат как на абсолютную монархию кажется несколько однобоким и упрощенным. При рассмотрении этого явления в политическом развитии Древнего Рима необходимо принимать во внимание многие факторы — и в первую очередь устойчивую республиканскую традицию. Конечно, её ни в коей мере нельзя преувеличивать, тем более говоря об эпохе Поздней Империи, но и не замечать её также, на наш взгляд, нельзя.

Традиция эта просматривается в основном, конечно, во внешних формах: отношении познеантичных авторов к республиканскому прошлому, сохранение респуб-

¹ Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 170-178.

² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 8-13.

³ Gardthausen V. Augustus u. s. Zeit. I, 1-3; II, 1-3; 1891-1904; Машкин Н.А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. Москва, Ленинград. 1949.

⁴ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1-2. М., 1915-16.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. III, 1941.

⁶ Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937.

⁷ Гиббон. Э. История упадка и крушения римской империи. М., 1997.

⁸ см. Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира: (государственные и правовые реформы начала Домината). М., 1999.

ликанских магистратур (пусть и во многом деформированных)¹, возможное построение системы тетрархии Диоклетианом по аналогии с взаимоотношениями консулов и преторов². Однако одним из основных элементов республиканской традиции являлся факт легитимизации императоров армией (об этом речь пойдет чуть ниже). Против однозначной характеристики домината как абсолютной монархии говорит и выработанная система передачи власти при помощи института соправительства.

Совместное правление нескольких лиц было не таким уж и новым явлением для Рима – традиция коллегиального управления шла еще со времен Республики. В императорскую эпоху можно вспомнить правление Веспасиана и Тита, Марка Аврелия и Луция Вера. Однако наибольшее распространение соправительства получили начиная с III века. Период политического хаоса, наступивший вслед за свержением династии Северов, породил необходимость назначать себе преемника фактически сразу после обретения власти (первым в этом списке можно, очевидно, назвать Макрина, сразу же после получения власти провозгласившего императором и своего сына Диадумена – *Oros. VII. 18. 3; Eut. VIII. 21; Aur. Vic. XXII; etc.*). На протяжении всего III века императоры пытались хоть как-то упрочить свое положение подобными назначениями, которые, однако, практически не способствовали политической стабилизации. «Второе рождение» институт соправительства получил после прихода к власти Диоклетиана. Как известно, этот император создал новую политическую систему – тетрархию, при которой империей совместно управляли два старших императора – Августа, и два младших – цезаря. Причем Августы, по мысли Диоклетиана, после 20 лет правления должны были сложить с себя полномочия и передать их Цезарем, которые, в свою очередь, назначали себе младших соправителей. После отречения Диоклетиана и его соправителя Максимиана система тетрархии, поддерживаемая, как оказалось, лишь личной властью и авторитетом Диоклетиана, рухнула. Следующие 20 лет можно вполне назвать «императорской чехардой»³. Ситуация стабилизировалась лишь к 324 году, когда Константин Великий сосредоточил верховную власть в своих руках, назначив при этом Цезарями четырех своих сыновей и племянника.

На протяжении всего IV века императоры пытались закрепить династический принцип, делая своими преемниками близких родственников. Из неродственных назначений можно назвать лишь провозглашение императором Грацианом своего талантливого полководца Феодосия (названного впоследствии «Великим»). Однако династический принцип так фактически и не утвердился в Риме – право крови, хотя и играло важную роль при обоснованиях претензий на пурпур, вовсе не являлось достаточным условием для его получения. Более того, оно (как можно видеть на примере Феодосия) не было и необходимым.

Вообще, проблема политико-правого обоснования императорской власти в поздней античности не раз поднималась исследователями⁴. И если, например Э. Флайг считал, что легитимность императоры обретали после их акцептации всеми тремя

¹ Антонов О.В. К проблеме своеобразия государственного управления Римской империи в IV в. // *Власть, политика, идеология в истории Европы: сб. науч. статей, посвящ. 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ. Барнаул, 2005. С. 26-36.*

² Коптев А.В. *Principes et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи* // *Древнее право. № 1. 1996. С. 187.*

³ Полный список императорских коллегий 284-337 гг. см. Barnes T.D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge, Massachusetts and London, England. 1982. Pp. 3-8.

⁴ Bury J.B. *History of the Later Roman Empire*. NY., 1958. V.1. P. 5-18; Straub J. *Vom Herrscherideal in der Spätantike*. Stuttgart, 1964. S. 7-75; Seek O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Stuttgart, 1921. Bd. I. S. 16.

общественными секторами – армией, сенатом и народом¹, то Е.П. Глушанин и И.В. Корнева пришли к выводу, что «прежние «партнеры» по легитимности – сенат и народ – конечно же, не исчезли полностью», но «в глазах современников армия эпохи тетрархий стала-таки инстанцией, «которая обязывающим образом принимала решение относительно законности правителя»².

То есть из всех римских граждан какими-то реальными правами обладали лишь граждане, находившиеся на военной службе. Армия, с республиканских времен бывшая подобием государства, образом той социально-политической среды, продуктом которой она являлась³, в какой-то мере оказалась проводником республиканских традиций. Так, единственный вид народных собраний, сохранившийся до поздней античности – это воинская сходка, *contio*⁴. Причем армейские собрания уподоблялись комициям не только в панегириках IV столетия (как отмечал Е.П. Глушанин⁵), но и в исторических сочинениях – в частности, у Аммиана⁶ (*Amm. Marc. XXVI. 2. 2*). Более того, в поздней античности армия фактически представляла собой *populus Romanus* как сообщество обладавших политическими правами римских граждан. Именно в этот период можно видеть возобновление неразрывной связи между обладанием политическими правами и военной службой – связи, столь характерной для классической античности.

Императоры сами выбирали себе соправителей – как Августов, так Цезарей, однако легитимность они обретали, лишь будучи одобрены воинской *contio*. Впрочем, для IV века нам не известны ситуации, когда армия не соглашалась бы в конечном итоге с мнением своего императора, так что преувеличивать ее политическую самостоятельность также не стоит. Функции младших соправителей можно рассмотреть на примере Цезарей середины IV века, когда ситуация, вызванная кризисом тетрархии, уже стабилизировалась.

Констанций II, сын Константина Великого, дал этот титул двоим своим двоюродным братьям – Галлу (*Soz. IV. 4; Theod. III. 3; Aur. Vic. XLII etc.*) и Юлиану (*Oros. VII. 29. 15; Eutr. X. 14. 1; Thilost. IV. 2 etc.*) – единственным оставшимся в живых родственникам Константина Великого (не считая его сыновей). Также известно, что узурпатор Магненций, начав войну с Константином, назначил Цезарями своих братьев. Одного, Деценция, он отправил в Галлию (*Eutr. X. 12. 1; Oros. VII. 29. 13; Epit. De Caes. XLII etc.*). О втором же источники практически ничего не сообщают.

Во всех случаях назначение диктовалось необходимостью защиты от внешней угрозы. Так, Констанций, будучи правителем Востока, вел постоянные, хотя и безуспешные, войны с персами, и, отправляясь на войну с Магненцием, сделал Галла Цезарем и немедленно отослал его в Антиохию-на-Оронте для организации обороны. Также поступил и его противник: для защиты Галлии от аламаннов он послал туда своего родного брата Деценция. Тот, однако, не смог их усмирить, и Констанций, вскоре после своей победы отправившийся опять на Восток (Галл был к тому времени уже казнен), оставил в Галлии Юлина, наделив его титулом Цезаря.

¹ Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt/Main, N.Y., 1992.

² Глушанин Е.П., Корнева И.В. Представления о легитимности императорской власти в эпоху тетрархий // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям: Межвуз. сб. науч. статей. Барнаул, 1997. С. 59.

³ Garland Y. *La guerre dans l'Antiquité*. P., 1972. P. 85.

⁴ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи: Традиции военной службы и воинская ментальность СПб., 2006. С. 208 сл.

⁵ Глушанин Е.П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. ст. Барнаул. 1996. С. 31.

⁶ ... in unum quaesito milite omni, progressus Valentinianus in campum permissusque tribunal ascendere celsius structum comitorum specie...

Все три назначения были сделаны в условиях внешней опасности и при невозможности старшего правителя находиться в данном регионе и командовать войсками. Интересен также тот факт, что назначения делались не в общеимперских масштабах, а для конкретных территорий – для Галлии и для Востока. Истоки подобного наделения властью в рамках какой-то части империи следует, очевидно, искать в третьем веке. До того императоры, разделяя власть с кем-либо, разделяли свой *imperium*, выступая как республиканские консулы, обладавшие равной властью, распространявшейся на всю территорию государства (например, Веспасиан и Тит, Нерва и Траян *etc.*). Во время же кризиса III века в рамках Империи образовывались фактически самостоятельные государства, продемонстрировавшие свою жизнеспособность: «Британская империя» Караузия и Аллекта, «Галльская империя» Постума и Тетрика, государство Одената и Зенобии. И уже Диоклетиан, разделяя власть с Максимианом, разделил ее именно территориально, взяв себе Восток, а соправителю предоставив Запад. Впоследствии все разделы власти происходили именно по территориальному принципу.

Цезари – и Галл, и Юлиан (о Деценции мы имеем слишком мало информации) – были весьма ограничены в своих возможностях, как в военной сфере, так и в гражданской.

Хотя основной функцией Цезарей являлась «защита» провинций, все же они не имели полного контроля над вверенной им армией. В первую очередь это видно в их взаимоотношениях с высшим офицерством. Юлиан, например, которому сразу же после назначения пришлось вести активные военные действия, столкнулся если не с прямым неповиновением армейской верхушки, то, по крайней мере, со скрытым противодействием. Подобная ситуация складывалась вследствие того, что все эти офицеры зависели не от Цезаря, а от Августа, а Цезарь не мог отстранить их от занимаемых должностей – Марцелл¹ все-таки был уволен в отставку за свое бездействие, но не Юлианом, а Констанцием (*Amm. Marc. XVI. 7. 1*). Власть Цезарей над подчиненными им легионами также была относительной; они могли отдавать распоряжения во время военных действий, осуществляя либо общее, либо непосредственное руководство войсками, но в принципе подчинялись они Августу.

Весьма ограничены были Цезари и в финансовых вопросах, что в первую очередь влияло на их отношения с армией. Аммиан прямо пишет, что «когда Юлиан был послан в западные области в звании Цезаря, причем его желали всячески ущемить и не предоставили никакой возможности делать подачки солдатам, и тем самым солдаты могли скорее пойти на всякий бунт, тот самый Урсул [комит государственного казначейства – Т.Г.] дал письменный приказ начальнику галльской казны выдавать без малейших колебаний суммы, каких бы ни потребовал Цезарь» (*Amm. Marc. XXII. 3. 7*). Отчасти это сняло проблему, но жесткий финансовый контроль со стороны Августа сохранялся. Констанций даже самостоятельно определял расходы на стол Юлиана! (*Amm. Marc. XVI. 5. 3*)

Неполновластны были Цезари и в гражданской сфере. Все высшие гражданские чиновники на вверенных им территориях назначались Августом, и отчитывались тоже перед ним. Такая их независимость приводила к постоянным напряженным отношениям с Цезарями, которые зачастую вынуждены были чуть ли не упрашивать чиновников сделать то или иное действие. Непосредственным управлением провинциями занимались все-таки префекты, и когда Юлиан упросил (*sic!*) чиновника от-

¹ О нем Евнапий писал: «Маркелл имел в руках правление; уступая Юлиану одно титуло и звание, настоящей властью распоряжался сам» (*Eun. Hist. ExC. 10., пер. С. Дестуниса*).

дать под свое управление Вторую Белгику, это было весьма необычным прецедентом. (Amm. Marc. XVII. 3. 6)

Одной из важнейших функций Цезарей была судебная. И если Галл, верша суд, «превышал предоставленные ему полномочия» (Amm. Marc. XIV. 1.1) и весьма недобуданно терроризировал знать на Востоке (за что, в конечном итоге, и поплатился), то Юлиан подходил к своим судебным обязанностям весьма взвешенно, стараясь не допускать злупотреблений.

Как можно видеть, власть Цезарей была весьма ограниченной – и территориально, и функционально; как в военной сфере, так и гражданской. Тем не менее, Цезари были императорами, и формально являлись соучастниками верховной власти. Принадлежность к императорской коллегии подчеркивалась и соответствующими браками: и Галла, и Юлиана Констанций женил на своих сестрах – первому была дана Константина, второму – Елена. Хотя по объему властных полномочий Цезари были сравнимы с крупными чиновниками, в глазах общества они стояли намного выше. Аммиан описывает прибытие Юлиана в Виенну: «люди всех возрастов и положений устремились к нему навстречу, чтобы приветствовать его как желанного и храброго правителя. Весь народ и все население окрестных мест, завидев его еще издали, обращались к нему, называя его милостивым и несущим счастье императором, и все с восторгом взирали на приезд законного государя: в его прибытии видели исцеление всех бед» (Amm. Marc. XXV. 8. 21).

Таким образом, после легитимации армией, младшие соправители обретали управленческий опыт и, что немаловажно, получали высокий статус в глазах общества.

Можно видеть, что система преемственности власти сочетала в себе как республиканские черты (впрочем, не слишком заметные), так и монархические. Такая модель передачи властных полномочий включает два момента. Во-первых, будущий правитель привлекается (при согласии имеющего политические права населения) к управлению государством, получает соответствующий статус. Во-вторых, после ухода предшественника с высшего поста сам становится во главе государства (опять-таки с одобрения политической активной части общества – во многом формальном, но необходимом). Подобная модель впоследствии не раз практиковалась – и продолжает практиковаться и в современности – несомненно, не без влияния римского опыта и традиций, заложенных в европейскую политическую культуру.

Балкавой Д.Р.,
*аспирант Волгоградского института
экономики, социологии и права,
заместитель прокурора Нефтекумского
района Ставропольского края*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях становления российской правовой государственности особое значение приобретает законность в государственном управлении, ведь обеспечение точного и неуклонного исполнения закона со стороны должностных лиц и государственных органов повышает авторитет права, реализует взаимную ответственность государства и личности.